

С ПИСЬМЕННОГО
СТОЛА
ПИСАТЕЛЯ

рассказ

Предлагаем нашему читателю главу из рукописи будущей книги, у которой ещё и названия нет. Известно только то, что она о детстве и юности автора, а также о Казани и казанцах прошлого века

Ахат Мушинский

98

На реках, ОМЫВАЮЩИХ Казань

ПЕРЕЧИТАЛ свою статью «Василий Аксёнов и Казань», увидевшую свет несколько лет назад в печати и ставшую предисловием к книге избранных произведений нашего знаменитого земляка, вышедшую в Таткнигоиздате на татарском языке. В статье этой я размышлял о творчестве Аксёнова, где он в мемуарном романе «Ленд-лизовские. Lend-leasing» и рассказах пишет о своём казанском детстве. Интересно, ещё раз подумалось мне, жили в одном городе, ходили по одним и тем же улицам, бывали в одних и тех же местах, но только вот в разные времена!

Мало того, я родился с ним на одной улице – Комлева. Его отец, будучи главой города, начинал строить нынешний Татарский академический театр оперы и балета, а моя мама, годы спустя, служила в нём оперной певицей, и в его закулисьях прошло моё детство; своё первое художественное произведение –

стихотворение о студентах – Аксёнов опубликовал в газете «Комсомолец Татари» и получил специальный приз, а я в редакции этой газеты проработал более пяти лет и тоже начал публиковаться на её страницах.

Обо всём этом мы поговорили с Василием Павловичем на Всемирном конгрессе писателей в Москве. Это был май 2000 года, и оба мы оказались членами Международного ПЕН-клуба. Вспомнили в свободное от заседаний время и казанский парк Горького, и через дорогу от его дома дворец генерала Сандецкого, служивший при юном Аксёнове туберкулёзным диспансером, а при мне ставший музеем изобразительных искусств. С ним вспомнил я, хотя и был весьма мал в 1957 году, исчезнувший тогда с разливом Волги замечательный пляж на склоне острова Маркиз, о котором позже Василий Павлович упомянет и в своём романе «Ленд-лизовские».

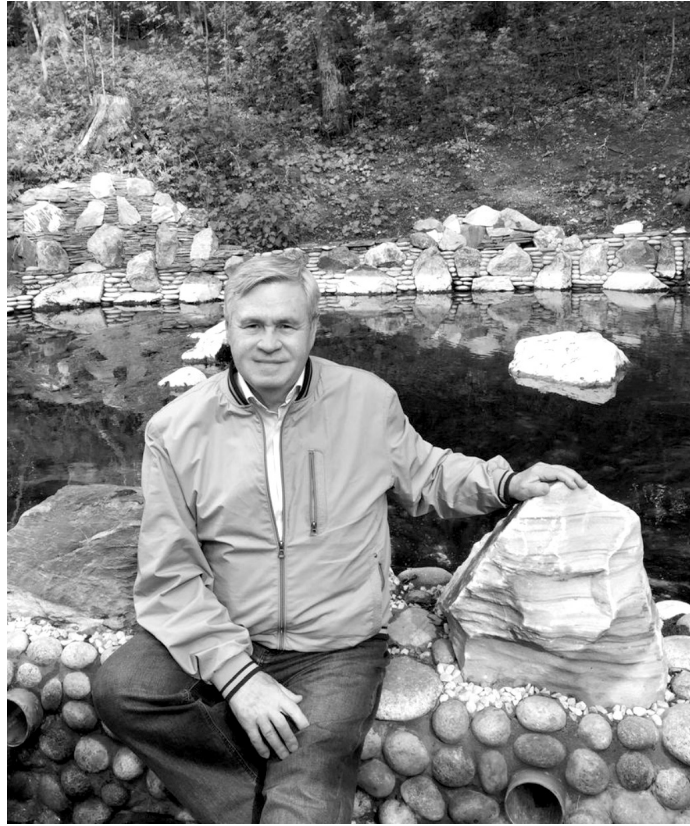
А вот о том, что он два раза тонул – на Казанке у Коровьего моста и на слиянии Свяги с Волгой, – и оба раза его спасли, я узнал значительно позже, лишь прочитав роман.

Излагая это в той статье, хотелось мне тогда продолжить цепочку аналогий. Я ведь тоже, только много лет спустя и в других местах Казанки и Волги участвовал в подобных происшествиях. Лишь с той разницей, что был в другой роли, то есть не тонул, а совсем наоборот...

Постеснялся писать об этом в том материале, посвящённом Василию Павловичу. Скажут, противопоставляет, мол, себя большому писателю. Да и после нигде публично не заикался. А тут вот захотел прояснить некоторые вещи.

Дело в том, что в своём романе «Шейх и Звездочёт» я описал ситуацию, когда якобы герой повествования вытаскивает меня за ногу, уже утопшего, из волжской воды на песчаный берег и удачно откачивает. В действительности было по-другому. Мы втроём, я и две подруги, вместо лекций в энерготехникуме пошли купаться на Волгу. Одна из них плавать не умела и угодила в подводную яму. Казалось, что она просто нырнула и, чтобы испугать меня, сидевшего на берегу, поскольку у меня не было плавок, специально задерживается под водой. Смотрю – её нет и нет. Стал раздеваться... И когда остался в семейных трусах и обыкновенных носках, нырнул за ней. Под водой я нащупал её ногу, крепко ухватил за щиколотку и вытащил на берег. Дальше элементарная помощь потерпевшей на реке: руки в стороны – на грудь, в стороны – на грудь... И вода хлынула из её рта.

Придя в себя, пошли на лекции. По дороге шутили, смеялись. Был жаркий, солнечный день, не помню какого месяца. Так для будущего моего романа появилось реальное событие. А потерпевшая, звали её Гузель, благополучно закончила с нами техникум, уехала по

распределению в Новосибирск, вышла там замуж, обзавелась ребёнком. Первое время она писала подруге, которая стала моей женой, передавала мне приветы, а потом, как это обычно бывает, почтовая связь между нами прекратилась.

Хочу заметить, в нашей семье все хорошо плавали – и родители, и брат с сестрой. Как-то мама гостила у нас на даче в Займище. Стояли жаркие дни, решили искупаться. Волга-то в двух шагах. Мама зашла по пояс в воду, плеснула себе на лицо и плечи несколько пригоршней прохладной влаги и умело, привычно нырнула с головой в глубину, а ей было тогда уже под семьдесят... Вынырнув, поплыла сажёнками, выбрасывая вперёд то одну, то другую руку. В спорте этот стиль называют кролем. Мама родом из Чистополя. Она с гордостью рассказывала, что родилась на Каме, в которую, по мнению географов, впадает Волга. Ещё девчонкой ныряла с лодок и барж в камскую пучину, плавала, как рыба плавает в родном водоёме.

Я же у неё родился в Казани – второй Венеции, – расположенной на Волге, Казанке, Булаке, Ноксе и безбрежном озере Кабан, сравнимом разве что с Женевским. Как тут не научиться плавать!

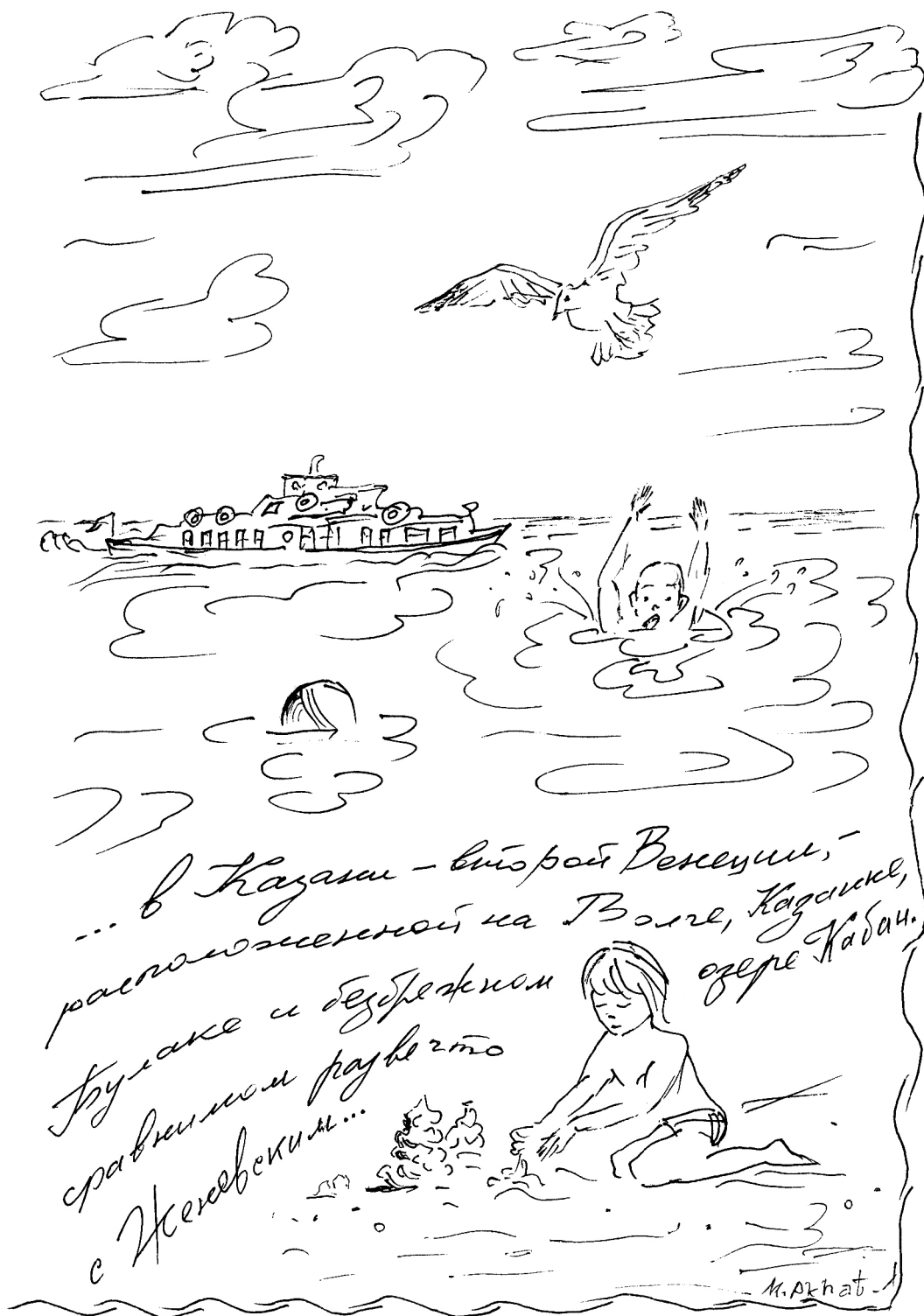
Но мы немного отвлеклись. Вот другой случай из той же оперы.

Мой одноклассник Камиль жил от нашего дома через дорогу напротив. Мы дружили с ним. Имелась у него одна особенность, которая, в принципе, не касается темы рассказа, – на одной ноге у его было шесть пальцев. И чтобы удобно было ходить и бегать, он носил обувь, предназначенную на одну ногу.

Как удавалось родителям покупать одностороннюю обувь на обе ноги, – не знаю, не задумывался.

Родители стригли Камильку всегда наголо (говорили ещё «под машинку», «под ноль», «под Котовского» и т. д.) Мне позволялось носить чёлочку – с какой-то другой формой растительности на голове школьникам младших классов ходить не предполагалось. Сколько тогда нам было? Точно не помню.

От реки Казанки мы обитали не так уж и близко, на улице Достоевского. И в жаркие летние дни топали гурьбой сначала до парка Горького, потом – между парком и кладбищем почти до

самой реки. Да, были другие времена, и мы, вольные пацаны, бегали на улице с утра до вечера, и заносило нас незнамо куда – до самой Казанки, а то и дальше.

После спуска с холмов так называемой Русской Швейцарии перед нами открывался речной простор с великолепным пляжем, видами зелёных берегов другой стороны Казанки, а слева, вдали, за лодочной станцией, возвышался на взгорье Казанский кремль с башней Сююмбики, похожей на космическую ракету и, казалось, готовой взлететь к другим галактикам.

От общего шумного пляжа мы обычно отходили в сторону, в направлении дачных участков, где было тихо и более-менее пустынно. В тот раз поступили так же. Со мной была ещё двоюродная сестрёнка, младше меня на несколько лет.

Вода в Казанке на мелководье тёплая, а дальше, когда начинается незримая глубина, – прохладная: каким бы жарким солнце ни было, всю толщу речную прогреть оно не может. Подплывёшь к дальним буйкам, ограничивающим заплывы, греешься, обхватив красно-белый металлический поплавок, а щиколотки чуют там внизу ледяную бездну. Не ледяную, конечно, и не бездну, но поймите мальчишку, достигшего буйка, за которым катера режут воду, плывут речные «трамвайчики», «москвичи», «омики» – и спасатели тут как тут, если что...

Не всем из нас удавалось пообниматься с буйком вдали от берега. Камиль, например, барахтался всегда на мелководье. А тут заплыл с резиновым мячом – держится за него обеими руками, к груди прижимает и ногами часто-часто сучит. Плывёт таким образом, смеётся, мяч и лысина его, омытые волной, весело блестят на солнце.

Я стою по колено в воде, рядом сестрёнка строит замок из песка. Мне радостно – хорошо друг держится на воде. В тот летний день слепило солнце, и в

то же время гулял ветерок, поднимая то рябь, то лёгкую волну. Хотя волны большей частью гнали в нашу сторону катера и прочие моторки. Стою, значит, гляжу поверх водного простора, вдруг вижу, мяч выскочил из рук моего друга, и Камиль исчез под волной, потом опять появился, сверкнул свежей стрижкой «под ноль» и опять исчез. Медлить я не стал, побежал, нырнул, поплыл быстрым кролем...

Да, успел, Камилька мой недалеко ушёл под воду. Я поднял его на поверхность, но он стал топить меня, хватаясь за руки, за плечи, за шею. Чуть было вместе не утопли. Не читал я ранее никаких инструкций по спасению утопающих, однако получилось всё, как по писаному. За волосы хватать его было, сами понимаете, бесполезно, и я, с трудом освободившись от его рук, положил утопающего на спину, подхватил сзади под мышки, то за одну, то за обе, и потащил к берегу. Думаю, если кто-то посмотрел бы на нас со стороны, то подумал, наверное, что друзья, отдышавшись, плывут на спине по попутным волнам от только что промчавшегося за буйками катера.

Камиль и я с ним на пару наглотались, конечно, вдоволь. Но терпимо. Выбрались на берег и повалились на песок. Сестрёнка продолжала строить замок, не замечая нашего состояния. Только когда стали мы с ним, как чахоточные, кашлять, она посмотрела на нас, но особого значения тому не придала.

Очухавшись, мой друг не произнёс ни слова. Я тоже молчал. Тишина и спокойствие царили вокруг, лишь волны, поднятые моторной лодкой, накатывали на песчаный берег с приглушённым шёпотом, да чайки кратко вскрикивали, пролетая над нами.

Был и третий случай.

Ко мне на дачу в Займище приехал мой друг Серёга, с которым мы ещё до армии съели пуд соли. Пошли, есте-

ственно, на Волгу, на пляж, который намыт был совсем недавно. Искупались, лежим на песочке, греемся на солнышке и вдруг истошный крик с воды: «Помогите!»

Я подумал: кому это взбрело в голову шутить так? Но совсем не поддельный, надрывный голос повторился: «Помогите же, ради бога!»

Мы вскочили и видим: между близлежащим островом и нашим пляжем кто-то барахтается на поверхности воды метрах в пятидесяти от нас. Не сговариваясь, мы кинулись к лодке-плоскодонке, причаленной невдалеке и, по всему виду, оставленной здесь хозяином ненадолго. Серёга покрепче меня, сел за вёсла, я на корме принялся курс править. Плоскодонка идёт легко, и мы быстро оказались на месте.

За бортом я увидел своего ближайшего соседа по дачному участку киношника Михаила. Он удерживал на плаву незнакомого мужчину. Мы их вытащили.

Долго потом, уже на берегу, старались откачать потерпевшего, но не получилось. Прибывшая «скорая» констатировала смерть. Оказалось, он ещё в воде умер.

Это был родственник Михаила, мастер спорта по фехтованию, заслуженный тренер, приехавший из Москвы погостить у нас на Волге. Оказывается, они с Михаилом поплыли с острова обратно на пляж, и посередине заплыва с гостем случился сердечный приступ – инфаркт. Так что не смогли мы с Серёгой спасти москвича.

На эти воспоминания, напомним, натолкнул меня роман «Ленд-лизовские», в котором наш знаменитый земляк Василий Аксёнов вспоминает о событиях, произошедших с ним на реках, омывающих Казань, – Волге и Казанке. Жаль, что я узнал о них, лишь прочитав роман «Ленд-лизовские», а не на писательском форуме, когда мы вспоминали Казань его и моего детства.

